

Гнев вспыхнул в груди Чжао Инлиня, и ему захотелось высказать всё, что он думает, и разругаться в пух и прах, но Цуй Се опередил его и серьёзно произнёс:

— Твой старший брат учится в управе и не может часто приезжать домой. Лишь ты остался подле отца и деда, и вся надежда семьи возложена на тебя! Твои дедушка и бабушка ждут, что ты выучишься, станешь достойным человеком и поддержишь род; твои родители надеются, что благодаря тебе они получают чины и пожалования...

Чжао Инлинь опешил и подсознательно пробормотал:

— Но есть же ещё мой старший брат...

Цуй Се посмотрел на него и сжимая голос сказал:

— Именно потому, что у тебя есть старший брат, тебе тем более нужно усердно учиться! Брат с самого детства учил тебя читать, растил из тебя достойного мужа. Когда в будущем он сдаст экзамен на степень цзиньши и станет чиновником, а при дворе ему понадобится поддержка, разве ты не должен отплатить ему, показав собственные способности? Если ты не сдашь экзамены пораньше и не придешь к нему на помощь, неужели ты оставишь его одного справляться со всеми делами при дворе?

Чжао Инлинь приоткрыл рот, не зная, что возразить. Цуй Се не дал ему времени ни задуматься, ни опомниться, окончательно подведя итог:

— Ты — опора всей семьи, на твоих плечах лежит тяжелейшая ответственность. Как ты можешь ранить сердца родных ради участия в каком-то поэтическом вечере? Ладно, у меня как раз есть сочинения первых кандидатов из всех областей и уездов Шуньтяньфу, возьми несколько книг с собой и почитай. Какими бы прекрасными ни были стихи на поэтическом вечере, на юаньши их не спросят, от них куда меньше пользы, чем от этих статей.

Он взял несколько прочитанных им самим книг, аккуратно завернул их в вощёную бумагу, велел Пэн Яню сходить на кухню за свежими фруктами и сладостями, а затем лично проводил Чжао Инлиня домой и замолвил за него перед старшими несколько утешительных слов.

Юаньвай Чжао едва ли не жалел, что не может оставить Цуй Се у себя в качестве внука, а взамен отдать семье Цуй этого несносного вертлявого обезьяныша. Цуй Се с улыбкой успокаивал их:

— На самом деле брат Инлинь вовсе не любит все эти светские условности, он лишь восхищается духом образованных мужей и хотел послушать, как почтенные поэты беседуют о стихах и прозе. Позже я перепишу для него стихи с собрания и принесу — уверяю вас, он будет счастлив.

Дядюшка Чжао произнёс:

— И то верно, ты потом перепиши стихи...

Погодите-ка? Ты ведь пришёл донести на него, чтобы его не пустили, а сам почему собираешься идти?!

Цуй Се совершенно непринуждённо ответил:

— Мы с соучениками ещё мало знакомы, и это редкий случай, когда они пригласили меня

пойти вместе. Если я без причины откажусь, боюсь, другие подумают, будто я горжусь своим происхождением, и больше не захотят со мной общаться.

«Вот оно что». Юаньвай Чжао непрестанно кивал:

— Разумные слова! Вам, образованным людям, как раз и следует почаще устраивать поэтические вечера и собрания. Вот если бы я не беспокоился так за Инлиня, ему тоже стоило бы выехать в свет да посмотреть мир.

Чжао Инлинь аж раздувался от злости, и Цуй Се, опасаясь, как бы тот от злости не заболел, похвалил его перед дедом и отцом:

— Брат Инлинь — человек ответственный и наверняка понимает, что важно, а что нет. Внешняя суета и мишура не собьют его с праведного пути.

Простившись со старшими и младшими из семьи Чжао, они вернулись домой. Пэн Янь с беспокойством спросил:

— Дагэ, ты действительно собираешься идти на тот поэтический вечер? Ты ведь ещё слаб, а в Праздник двойной девятки в горах холодно. Вдруг холод проникнет в рану?

На самом деле благодаря лекарствам от ранений, присланным цянху Се, и вызванному им придворному лекарю, шрамы на ягодицах давно сгладились, а на плече остался лишь бледно-розовый след от сабельного удара. Раньше он ещё немного чесался, но теперь Цуй Се совсем ничего не чувствовал.

Цуй Се погладил рану через одежду и усмехнулся:

— Мои раны давным-давно зажили, просто вы с отцом слишком сильно беспокоитесь. Не веришь — потрогай сам.

Пэн Янь покрутил головой:

— Что толку мне трогать, я же не придворный лекарь! Ладно уж, попрошу невестку Хуан подбить тебе тонкую хлопковую кофту, чтобы пододеть снизу. Лучше одеться потеплее, чем застудить рану.

Цуй Се улыбнулся и проводил его взглядом, пока тот бежал во двор. Сам он повернулся и направился в мастерскую позади дома, чтобы узнать у резчиков по дереву, сколько времени уйдет на вырезание печатных досок и успеют ли они к поэтическому вечеру на Праздник двойной девятки.

Резчики усмехнулись:

— Да у нас самое быстрое — четыре-пять дней на одну доску уходит! Молодой господин Пэн Янь сосчитал: в этой книге, пожалуй, около сотни досок будет. Только на вырезание иероглифов уйдет больше трех месяцев. А иллюстрации к тому же должны быть цветными, значит, надо вырезать по несколько досок на каждую картинку для многократной печати. Сейчас уже конец високосного восьмого месяца, как тут успеешь к Празднику двойной девятки? Если в одиннадцатом месяце книга выйдет, то это ещё рано!

Цуй Се и сам догадывался, что с книгой они не успеют. Однако, сопоставив время, он подумал: если вырезать всего одну картинку, а под ней поместить изящную строчку из текста, то они,

пожалуй, должны успеть. В эти пару дней он подтянет технику рисунка линий, а в начале девятого месяца попробует нарисовать картинку в стиле книжных гравюр-портретов. Если же вырезать ксилографию всё равно не успеют, придётся нарисовать от руки несколько портретов красавиц и продавать свой образ эрудита на поэтическом вечере.

Он задал ещё пару вопросов по технической части и словно невзначай подсказал решение проблемы слишком плотных и неживых красок при печати. Чтобы цвет выходил нежным и мягким, будто тушевка, можно прижимать эту часть бумаги пальцами при нанесении краски; а в тех местах, где требуется более глубокий и насыщенный тон, можно провести ногтем — это придаст изображению живости по сравнению с разглаживанием пальмовой щёткой.

На самом деле ему ужасно хотелось выписать мастерам сведения из учебника по химии, но для молодого господина из чиновничьей семьи естественно не знать трудностей печатного дела и капризно требовать цветных картинок; а вот если человек, ни разу в жизни не занимавшийся книгопечатанием, вдруг выдаст технологию цветной печати, опережающую эпоху, его сочтут нечистой силой.

Поэтому он лишь изредка подавал идеи, наводя мастеров на мысли в обход привычных рамок. В дальнейшем ремесленники, проявив изобретательность, сами восполняли не упомянутые им технические тонкости и даже создавали методы печати, превосходящие описания из будущих времен.

Усмыслив этот способ, мастера тут же достали краски и готовые печатные доски для пробного оттиска — всё ту же доску с сосной и сливой. Чжао Ши, самый опытный из печатников, собственной рукой нанес краску на рельеф лепестков сливы, приложил бумагу, пальцами легко потёр её, выдавливая цвет цветок за цветок, а затем поднял лист, чтобы оценить результат.

Цветки сливы отпечатались нежно и ярко, их края слегка размылись, делая рисунок поразительно похожим на живопись кистью.

Очи Чжао Ши покраснели от волнения, он вздохнул:

— Эх, совсем я постарел! Такой простой способ, и как я сам до него не додумался, что потребовалось подсказывать молодому господину! Хорошо ещё, что молодой господин — сошедшая на землю Звезда Словесности, от природы наделён смысленностью и всё схватывает на лету, а иначе с такими старыми глупцами, как мы, любое важное дело пропало бы!

Цуй Се улыбнулся и небрежно отозвался:

— Вы днями и ночами погружены в ксилографию и слишком углубились в своё дело, оттого вам трудно взглянуть под другим углом. Я же человек сторонний и говорю первое, что придет в голову, не задумываясь, выйдет ли из этого толк, потому мысли мои и кажутся гибче.

Заметив, что на улице рано стемнело, он наказал:

— Становится поздно, ходить по дорогам неудобно, да и ксилографией сейчас спешить некуда. Поешьте и возвращайтесь по домам пораньше.

На поэтическом вечере на Праздник двойной девятки, разумеется, следовало сочинять стихи о хризантемах.

Пэн Янь перебрал четыре текста и наконец отыскал короткое стихотворение, связанное с хризантемами.

В исходной повести рассказывалось о бедном школяре, который жил в горном монастыре и учился. Оплакивая свою судьбу, он прочел печальное стихотворение. Вечером в обители неожиданно появилась красавица, провела с ним несколько ночей любви, а затем одарила серебром и золотом, отправляя на экзамены в столицу.

Позже школяр сдал экзамены на звание чжуанъюаня и вернулся разыскать девицу. Лишь тогда она призналась, что была духом-лисой, постигавшим Дао в горах, и пришла разделить с ним ложе из восхищения его поэтическим талантом. Лиса заявила, что как зверь не достойна стать его женой, а потому помогла ему сосватать дочь первого министра, после чего скромно удалилась.

Каков бы ни был сюжет, стихотворение главного героя по крайней мере касалось Праздника двойной девятки, так что принести его на поэтический вечер было вполне уместно.

Уловив поэтическое настроение стихотворения — древний монастырь, редкую изгородь, увядшую траву, холодную росу и поэта, срывающего полураскрытую белую хризантему и вспоминающего о родном крае, — Цуй Се, подражая стилю современных комиксов в технике гунби с насыщенными цветами, нарисовал портрет красавицы размером с книжную страницу.

Что до облика красавицы, то он, запершись в комнате, тайно открыл на переносном жестком диске папку «География Китая — Гонконг — Древний Гонконг — Вымершие виды», отрыл фильм, где главной героиней была обольстительница-лиса, и с полнейшей серьезностью нарисовал её образ.

Его рисунок не был чересчур реалистичным, однако пропорции тела были выдержаны идеально, а линии вышли лаконичными и плавными. Даже с учётом того, что ради удобства печати контуры набрасывались простыми штрихами, изображенная девушка обладала живым взглядом, правильными чертами лица и передавала очарование героини фильма — казалось, она вот-вот сойдет с бумаги.

Пэн Янь на середине работы едва не выхватил рисунок, чтобы рассмотреть получше, но кое-как терпя целых полчаса, дождался, пока Цуй Се нанесет цвета и нарисует каллиграфическую надпись со стихами, после чего бросился к столу и долго всматривался, прищулив глаза.

<http://bllate.org/book/18372/1761270>